

ніе наукъ впередъ, но Петръ, желавшій изъ всего извлечь какъ можно больше практической пользы, смотрѣлъ на академію нѣсколько иначе. У Голикова находится слѣдующій рассказъ: одинъ изъ приближенныхъ къ Петру людей въ бесѣдѣ съ нимъ высказалъ сомнѣніе въ томъ, что учрежденіе академіи, полезной для науки, принесетъ много пользы народу, потому что академики не будутъ заниматься ученіемъ юношества. На это Петръ возразилъ: «Они (академики) будутъ сочинять до всѣхъ наукъ касающіяся книги, кои повелю я переводить на нашъ языкъ, ихъ стануть они изъяснять молодымъ людямъ, кои для того избранны и имъ препоручаемы будутъ, и кои послѣ должны занимать учительскія мѣста въ тѣхъ наукахъ, въ коихъ они подъ руководствомъ академиковъ упражнялись; другими же сочиненіями, кои они о своихъ наукахъ и открытіяхъ на латинскомъ языкѣ писать и печатать стануть, должны они намъ пріобрѣсти довѣріе и честь въ Европѣ, что и у насъ упражняются въ наукахъ и что уже болѣе не презируютъ оныхъ, и не столь грубо ѣмствуютъ, какъ въ прежнія времена» ¹⁾. Достоверность этого рассказа подтверждается и самымъ проектомъ академіи наукъ, одобреннымъ Петромъ. Въ этомъ проектѣ говорится, что академія наукъ въ настоящемъ ея смыслѣ мало полезна для Россіи, потому что «хотя чрезъ оную художества и науки въ своемъ состояніи производятся и распространяются, однакожь оныя не скоро въ народѣ расплодятся». Устройство университета тоже было преждевременно, потому что не было еще подготовительныхъ къ университету учебныхъ заведеній. Примѣняясь къ мѣстнымъ обстоятельствамъ, проектъ находилъ, что на академиковъ нужно возложить слѣдующія обязанности: «1) Науки производить и совершить, однакожь тако, чтобъ они тѣмъ наукамъ 2) молодыхъ людей (ежели которые изъ оныхъ угодны будутъ) публично обучали, и чтобъ они 3) нѣкоторыхъ людей при себѣ обучали, которые бы младыхъ людей первымъ фундаментомъ всѣхъ наукъ таки обучать могли». Такимъ образомъ по проекту учреждаемая академія должна была совмѣщать въ себѣ настоящую академію

¹⁾ Голиковъ. Дѣянія Петра В., 9, 57.

университетъ (чтеніе лекцій) и, наконецъ, подготовительное училище.

Чтобы удобнѣе осуществить послѣднее, проектъ совѣтовалъ каждому академику дать одного или двухъ человѣкъ молодыхъ студентовъ съ назначеніемъ имъ приличнаго жалованья. Академики должны были учить и руководить этихъ студентовъ въ научныхъ занятіяхъ, чтобы они впослѣдствіи могли занять мѣста своихъ наставниковъ: студенты же въ свою очередь должны были готовить къ академическому ученію тѣхъ, которые желали впослѣдствіи пользоваться имъ. Этимъ путемъ, по словамъ проекта, можно «безъ великихъ убытковъ намѣреніе нижней школы исполнить» ¹⁾. Къ этому Петръ положилъ свою резолюцію: «Надлежитъ по два человѣка еще прибавить, которые изъ Славенскаго народа, дабы могли удобнѣе русскихъ учить, а какихъ наукъ написать именно». Уже и суммы на содержаніе академіи были назначены; были сдѣланы распоряженія о вызовѣ ученыхъ изъ заграницы, но смерть помѣшала Петру исполнить этотъ планъ. Открытіе академіи и начало ея дѣятельности относятся уже къ послѣдующему царствованію.

Недостатокъ матеріаловъ для исторіи школъ Петровскаго времени не позволяетъ выполнѣ ознакомиться съ тогдашнимъ состояніемъ школъ и прослѣдить въ совершенной точности, насколько заботы Петра увѣнчались успѣхомъ въ дѣйствительности. Но все-таки приведенныхъ фактовъ совершенно достаточно, чтобы судить о характерѣ, о направленіи, даннымъ законодательной властью русскимъ школамъ того времени. Въ послѣдующія царствованія до Екатерины II относительно школъ выполнялась собственно программа Петра.

Школа—одно изъ тѣхъ общественныхъ учреждений, которыя не могутъ явиться быстро по волѣ, хотя бы и могучей, одного лица: школа, будучи орудіемъ для распространенія образованности, есть въ то же время продуктъ послѣдней. Гдѣ царило нѣсколько вѣковъ невѣжество, гдѣ приходилось силою брать въ школы, гдѣ надо было объяснять народу, что наука не есть дьявольское порожденіе,—тамъ понятно, что и самыя благія начинанія при

¹⁾ П. С. З., VII, 4443.

всей энергіи просвѣтителя Россіи должны были въ дѣйствительности давать довольно скудные плоды. Въ самомъ дѣлѣ, мы упомянули уже, что нѣкоторые указы не исполнялись вовсе, или если и осуществлялись, то не надолго (постановленіе о магистратскихъ, городскихъ школахъ и о цифирныхъ). Другія школы, хотя и явились, но дѣла тамъ шли не блестяще. Очень значительный процентъ учениковъ изгонялся «за тупость, за невзятіе науки»; не менѣе числилось въ бѣгахъ изъ школы. Въ отчетѣ епархій 1727 г., о которомъ было упомянуто выше, находимъ, напримѣръ, такіе факты: въ Александро-Невской школѣ съ открытія ея въ 1721 г. и по 1727 г. было учениковъ 118, а въ ноябрѣ 1727 г. тамъ оставалось только 48 человѣкъ. Въ числѣ выбывшихъ изъ школы 42 ученика «отстали отъ ученія за невзятіемъ науки и за скорбію». Ученики въ этой школѣ болѣе всего твердили букварь; въ математикѣ далѣе раздробленія цѣлыхъ чиселъ и тройного правила *никто* не пошелъ. Въ Рязанской епархіи въ Переяславльской цифирной школѣ, присоединенной къ епархіальной, изъ 96 учениковъ обучены только 4. Въ одной изъ школъ Нижегородской епархіи уволены за тупостью 11 учениковъ. Наконецъ, почти не было школы, гдѣ бы нѣскольکو учениковъ не числилось въ бѣгахъ. Число бѣжавшихъ было иногда очень велико; въ Переяславлѣ Рязанскомъ изъ школы, въ которой было 96 учениковъ, 59 отлучилось самовольно. Въ Морской академіи въ 1723 г. изъ 400 воспитанниковъ 116 было въ бѣгахъ ¹⁾). Главною причиною плохихъ успѣховъ учениковъ была, конечно, не природная тупость русскихъ, какъ полагаютъ нѣкоторые, и какъ думали нѣкоторые русскіе бояре, говорившіе Петру, по свидѣтельству Корба: «Москвитяне къ научнымъ занятіямъ не способны, и потому расходы на сей предметъ окажутся совершенно бесполезными» ²⁾). Главною причиною слабыхъ успѣховъ было отсутствіе всякаго образованія въ обществѣ. Женщины до Петра обыкновенно не получали вовсе образованія; со времени Петра стали чаще обучать письму и дѣвушекъ и то *про себя*, для домашняго обихода ³⁾). Образование, сколь-

¹⁾ Пекарскій, I, 276.

²⁾ Шаповъ, 92.

³⁾ Вороновъ. Историко-статистич. обзорѣніе учеб. завед. Пет. округа, 5 стр.

ко-нибудь удовлетворяющее самымъ невзыскательнымъ требованіямъ, было рѣдкостью. Невѣжественныя матери не могли воспитывать любознательныхъ и трудолюбивыхъ дѣтей. Невѣжественные отцы своимъ примѣромъ не могли побудить сыновей къ умственной дѣятельности. А школа, какъ и всякое общественное учрежденіе, коренится на общественной почвѣ, соками которой питается. Попытки какъ можно болѣе изолировать школу отъ общественной жизни не удавались или приводили даже къ печальнымъ результатамъ. Содѣйствуя умственному и нравственному прогрессу питомцевъ, стараясь передать имъ все лучшее, воспитатели и преподаватели дѣйствуютъ непремѣнно подъ условіями своего времени и общества. Все хорошее и дурное въ нихъ самихъ есть продуктъ общественной жизни. Конечно, не одно только невѣжество было причиною того, что родители неохотно отдавали своихъ дѣтей въ школу. Если и въ наше время находить примѣненіе пословица: «корень науки—горекъ», то справедливость требуетъ сказать, что въ петровское время эта пословица могла имѣть болѣе широкое примѣненіе. Педагоги того времени, кажется, даже были убѣждены, что «чѣмъ горше корень, тѣмъ слаже плодъ». Главное педагогическое средство при воспитаніи и обученіи было—страхъ. Розга являлась неизбѣжнымъ атрибутомъ всякаго наставника. Буквари, которые ученики должны были долбить иногда въ теченіе многихъ лѣтъ, часто украшались назидательными картинками, представлявшими преподавателя при исполненіи его обязанностей, т. е. сѣкущаго учениковъ. Букварь, составленный Ѳеодоромъ Поликарповымъ и напечатанный въ Москвѣ въ 1701 г., снабженъ двумя картинками: на одной изображена классная комната, около окна четыре ученика и по сторонамъ два учителя; напротивъ праваго школьникъ на колѣняхъ, а предъ лѣвымъ мальчикъ, кланяющійся въ ноги; на полкѣ книги и съ ними рядомъ двѣ плетки. Другая картина представляетъ тѣхъ же учениковъ и наставниковъ: одинъ изъ послѣднихъ внимательно слушаетъ ученика, колѣнопреклоненнаго предъ нимъ, а другой учитель сѣчетъ огромнымъ пучкомъ розогъ разложеннаго на скамьѣ школьника. Въ нѣкоторыхъ воспѣвались розги и плети; напр., въ одномъ изъ московскихъ букварей:

Розга умъ вострить, память возбуждаетъ
И волю злую въ благо прелагаетъ:
Учить Господу Богу ся молити
И рано въ церковь на службу ходити.
Бичъ возбраняетъ скверно глаголати
И дѣлъ лукавыхъ юнымъ содѣвати.
Жезль лѣнныя къ дѣлу побуждаетъ,
Рождшихъ слушати во всемъ научаетъ.

Въ обращеніи къ ученикамъ дается такой совѣтъ:

Цѣлуйте розгу, бичъ и жезль любайте;
Та суть безвинна, тѣхъ не проклиняйте
И рукъ, яже вамъ язвы налагають,—
Ибо не зла вамъ, но добра желаютъ ¹⁾.

Изъ этихъ цитатъ мы видимъ, что домостроевскія правила воспитанія долго держались на Руси. Тѣлесное наказаніе не было принадлежностью одной русской школы, но зато здѣсь оно доходило до крайней суровости. Самъ Петръ, стоявшій во многомъ выше своихъ современниковъ русскихъ, былъ въ этомъ отношеніи вполне сыномъ своего вѣка. Въ инструкціи Морской академіи, подъ 8-мъ пунктомъ, гдѣ говорится, что всѣ гардемарины должны вести себя скромно, безъ шума и крика, собственною рукою Петра приписана слѣдующая замѣтка: «Для унятія крика и безчинства выбрать изъ гвардіи отставныхъ добрыхъ солдатъ и быть имъ по человѣку во всякой каморѣ во время ученія и имѣть хлыстъ въ рукахъ; и буде кто изъ учениковъ станетъ безчинствовать, онымъ бить, несмотря, какой бы онъ фамиліи ни былъ, подъ жестокимъ наказаніемъ, кто поманить» ²⁾. Изъ всего этого видимъ, что тѣлесное наказаніе было общепринятымъ воспитательнымъ средствомъ. На практикѣ, конечно, жестокость обращенія съ учениками, при крайней грубости и суровости того времени, могла заходить и очень далеко. Въ Морской академіи, напримѣръ, бывали случаи, что опредѣлялось «сѣчь по два дня нещадно батогами или, по молодости лѣтъ,

¹⁾ Пекарскій, т. I, 171.

²⁾ П. С. З., V, 2937.

наказать кошками»¹⁾. Безъ сомнѣнія, учащіеся немного уступали въ грубости своимъ наставникамъ и давали часто поводъ имъ превращаться въ палачей. Но не всѣ были способны къ такому спартанскому воспитанію. Понятно, почему многіе ученики числились въ бѣгахъ, понятно также, почему матери, отправляя дѣтей въ школу, оплакивали ихъ, словно хоронили. Хотя въ тотъ суровый вѣкъ тѣлесное наказаніе не могло быть для родителей новостью въ школѣ,—оно примѣнялось и въ домашнемъ быту очень часто, но все-таки школа, въ которой представлялось гораздо болѣе поводовъ примѣнять наказаніе, и при томъ наказующіе были чужіе люди,—могла пугать многихъ. Тогда была такая школа, которая дала поводъ образоваться словамъ: «школить» и «вышколить» съ ихъ вполне опредѣленнымъ значеніемъ.

Такимъ образомъ, справедливость требуетъ сказать, что сколько-нибудь разумнаго воспитанія въ русскихъ школахъ XVIII столѣтія и признака не было. Да и могло ли оно быть тогда, когда и передовые люди не дошли еще до уваженія человѣческой личности въ каждомъ человѣкѣ помимо его положенія, состоянія, знанія... Понятно, какъ должны были смотрѣть на ученика, не имѣвшаго еще ни знанія, ни положенія въ обществѣ: онъ былъ «аки мягкая глина», по выраженію Глюка, въ рукахъ мастеровъ-наставниковъ, которые готовили изъ него на потребу государства моряка, инженера, подьячаго и проч.

Образованіе большинства учащихся ограничивалось только обученіемъ грамотѣ да первымъ дѣйствіямъ арифметическимъ. Обученіе грамотѣ обыкновенно производилось по букварямъ, которые заключали въ себѣ азбуку, склады, молитвы, символъ вѣры, бесѣду о православной вѣрѣ въ видѣ вопросовъ и отвѣтовъ. Въ московскомъ букварѣ 1679 года прибавлены привѣтства къ родителю и благодѣтелю на Рождество Христово, Богоявленіе, Воскресеніе и другіе праздники. Руководясь мыслью, что прежніе буквари недоступны народу по ихъ рѣдкости и мало полезны по темнотѣ изложенія, Теофанъ Прокоповичъ составилъ въ 1720 г. «Первое ученіе отрокомъ, въ ней же буквы и сло-

¹⁾ Пекарскій, I, 123.

ги; также краткое толкованіе законнаго десятословія, молитвы Господней, символа вѣры и девяти блаженствъ». Этотъ букварь былъ новымъ явленіемъ: онъ былъ написанъ не славянскимъ высокимъ діалектомъ, а просторѣчіемъ, болѣе понятнымъ народу; ново было и содержаніе его: не молитвы предлагались для изученія, а толкованіе десяти заповѣдей, молитвы Господней, символа вѣры и девяти блаженствъ. Въ этомъ отношеніи Теофанъ Прокоповичъ руководился тѣмъ, что надо дать понятіе о внутреннемъ содержаніи религіи, которая у большинства имѣла только внѣшнее значеніе. Въ предисловіи къ этому букварю говорится, что и многіе богобоязненные люди, «не вѣдая силы Закона Божія, многихъ своихъ грѣхъ не вѣдаютъ и въ безстрашіи пребываютъ. Все богопочтеніе полагають во внѣшнихъ обрядахъ и тѣлесныхъ обученіяхъ, ниже помышляюще о самомъ основательномъ благочестіи...»¹⁾. Этотъ букварь былъ введенъ во всеобщее употребленіе при начальномъ обученіи. Въ 1723 г. велѣно было читать эту книгу въ церквахъ по великимъ постамъ вмѣсто твореній Ефрема Сирина и Соборника²⁾. Содержаніе этого букваря ученики должны были заучивать наизусть. Учителя должны были эти буквари ученикамъ «въ твердую память положить, дабы изустно читать могли».

Между книгами, назначенными для первоначальнаго обученія, замѣчательнъ букварь, подъ заглавіемъ: «Юности честное зеркало или показаніе къ житейскому обхожденію». Книга эта составлена повелѣніемъ Е. И. В. Государя Петра Великаго. Первое изданіе было въ 1717 г. Неоднократныя изданія ея показываютъ, что она была въ ходу. Въ началѣ этой книги находятся азбука, склады, правоученія, выбранныя изъ Св. Писанія, и цифирь, т. е. начертаніе цифръ арабскихъ, римскихъ и церковно-славянскихъ. Затѣмъ слѣдуетъ самое «Зерцало», гдѣ изложены правила, какъ слѣдуетъ держать себя въ извѣстныхъ положеніяхъ и съ извѣстными лицами. Это «Зерцало» было собственно руководствомъ свѣтскихъ приличій. По стремленіямъ своимъ подчинить жизнь правиламъ, иногда неестественнымъ и очень часто

¹⁾ Пекарекій, I, 178.

²⁾ П. С. З., VII, 4493.

крайне мелочнымъ, оно напоминаетъ Домострой; но самыя представленія уже имѣють въ виду придать юному поколѣнію извѣстный свѣтскій лоскъ, внѣшнюю пріятность. Хотя составитель этой книги пользовался, очевидно, иностранными образцами, но онъ, видимо, примѣнялся къ русскимъ нравамъ. Для характеристики этой книги приводимъ нѣсколько отрывковъ. Вотъ какъ, по совѣту Зеркала, нужно было обходиться съ родителями: «Наипаче всего должны дѣти отца и мать въ великой чести содержать. И когда отъ родителей что имъ приказано бываетъ, всегда шляпу въ рукахъ держать, а предъ ними не вздѣвать, и возлѣ ихъ не садиться, и прежде оныхъ не засѣдять. При нихъ въ окно всѣмъ тѣломъ не выглядывать, но все *потаеннымъ* образомъ, съ великимъ почтеніемъ; не съ ними врьдъ, но немного уступя, позади оныхъ къ сторонѣ стоять, *подобно яко паже нѣкоторый или слуга*. Безъ спросу не говорить, а когда и говорить имъ случится, то должны они благопріятно, а не крикомъ и ниже съ сердца или съ задору говорить, не якобы сумасброды.—Когда родители или кто другій ихъ спросятъ (позовутъ), то должны они къ нимъ отозваться и отвѣчать тотчасъ, какъ голосъ слышать, и потомъ сказать: *что изволите, государь-батюшка, или государыня-матушка?* а не такъ: *что? чего? какъ ты говоришь? чего хочешь?* и не дерзостно отвѣчать: *да, такъ,* и ниже вдругъ на отказъ молвить: *нѣтъ*; но сказать: *такъ, мой государь; слышу, государь; я выразумѣлъ, государь; учиню такъ, какъ вы государь, приказали*».

Всякому почтительному сыну, желавшему по этой программѣ «содержать родителей въ великой чести», присутствіе ихъ должно было быть крайне тягостно, и желаніе удалиться отъ нихъ какъ можно скорѣе было вполне естественно.

Желая сообщить точныя правила приличія, Зерцало иногда вдается въ крайнюю мелочность. «Отрокъ долженъ быть весьма учтивъ и вѣжливъ, какъ въ словахъ, такъ и въ дѣлахъ, на руку не дерзокъ и не драчливъ; также имѣетъ онъ встрѣтившаго, на три шага не дошедъ и шляпу пріятнымъ образомъ снявъ, а не мимо прошедши, назадъ оглядываясь, поздравлять». Молодымъ людямъ при другихъ «на столъ, на скамью или на что иное не опираться и не быть подобнымъ деревенскому мужику, кото-

рый на солнцѣ валяется, но стоять прямо. — Неприлично имъ руками или ногами по столу вездѣ колобродить, по смирно ѣсти; а вилками и ножикомъ по тарелкамъ, по скатерти или по блюду не чертить, не колоть и не стучать; но должны тихо и смирно, прямо, и не избоченясь, сидѣть. Младые отроки не должны носомъ храпѣть и глазами моргать, и ниже шею и плечи якобы изъ повадки трясти, и руками не шалить». — «Никто, честно воспитанный, въ носъ не втягаетъ, подобно какъ бы часы кто заводилъ. — И сія есть немалая гнусность, когда кто часто сморкаетъ, якобы въ трубу трубить, или громко чхаеть, будто кричить, и тѣмъ въ прибытіи другихъ людей или въ церкви дѣтей малыхъ пугаетъ» и т. п.

Знаніе иностранныхъ языковъ при обилии иностранцевъ въ Петербургѣ и уваженіи къ нимъ царя стало все болѣе и болѣе входить въ моду. Это отразилось и въ Зерцалѣ: «Младые отроки», совѣтуетъ оно, «должны всегда между собой говорить иностранными языки, дабы тѣмъ навикнуть могли... и чтобы можно ихъ отъ другихъ незнающихъ болвановъ распознать» ¹⁾. Какъ смотрѣли на эту книгу наиболѣе образованные люди того времени, это видно изъ завѣщанія В. Н. Татищева, въ которомъ онъ рекомендуетъ сыну букварь Оеофана и «Юности честное зерцало», какъ лучшія руководства: «Истолкованія десяти заповѣдей и блаженствъ, которое за катихизисъ, а малая букварь, или юности честное зерцало, за лучшее нравоученіе служить могутъ; и всѣ безъ изъятія читать и силу ихъ познать полезно» ²⁾.

Преподаваніе ариѳметики тоже въ то время было въ незавидномъ положеніи: и оно болѣе всего рассчитывало на память. Первый напечатанный въ Россіи учебникъ по ариѳметикѣ составленъ былъ Л. Магницкимъ и изданъ въ 1703 г. Авторъ статьи объ этой книгѣ говоритъ о ней: «Методъ изложенія истинъ науки у Магницкаго довольно ясный, но, по нашимъ понятіямъ, неудовлетворительный: авторъ учить только производить дѣйствія, не представляя причинъ, почему такъ, а не иначе дѣлается почти не разсуждаетъ самъ и не даетъ возможности учащемуся

¹⁾ Афанасьевъ. «Школа свѣтскихъ приличій». Атеней. 1858, № 34.

²⁾ Н. Поповъ. Татищевъ и его время. Стр. 209.

сознательно узнать и вѣрно убѣдиться въ непреложности математической истины. Но тогда знаніе ариѳметики опредѣляли умѣньемъ дѣлать практическія задачи, и онъ, вѣроятно, полагалъ, что если ученикъ понимаетъ условія задачи и правильно рѣшаетъ ее, то, значитъ, хорошо усвоилъ преподаанныя правила» ¹⁾. Этотъ выводъ сдѣланъ авторомъ на основаніи приводимыхъ имъ примѣровъ. Книга Магницкаго начинается вопросомъ: «Что есть ариѳметика?» и дается такой отвѣтъ: «Ариѳметика есть числительница, есть искусство честное, независтное и всѣмъ удобопонятное, многополезнѣйшее и многохвальнѣйшее, отъ древнѣйшихъ же и новѣйшихъ въ разныя времена явившихся изряднѣйшихъ ариѳметиковъ изобрѣтенное и изложенное». Опредѣленіе это, не показывая сущности дѣла, старается возвысить достоинство предмета въ глазахъ учащихся и побудить къ ревностному изученію его. Ради послѣдней цѣли изложеніе перемежается силлабическими стихами, въ которыхъ указывается польза отдѣльных дѣйствій и необходимость прилежнаго изученія ихъ. Какъ сказано уже, этотъ учебникъ не вводитъ ученика въ самую сущность дѣла, но учитъ только механизму дѣйствій. Для примѣра приводимъ слѣдующее опредѣленіе:

«Что есть субстракціо? Субстракціо, или вычитаніе, есть ниже малое число изъ большаго вычитаемъ и излишнее объявляемъ». Затѣмъ объяснено, какъ подписывать число подъ числомъ, проводить черту и производить дѣйствіе и провѣрку его. Затѣмъ, въ заключеніе, стихи:

«Здѣсь конецъ субстракцію,
«Числь изъ числъ изъятію
«Имъ же знай вся уплаты,
«Безо лжи и утраты и проч.

Къ каждому дѣйствію приложены и практическія задачи.

Одной ариѳметикой, въ смыслѣ настоящаго времени, Магницкій не ограничился: названіе «арифметика» имѣло въ то время болѣе широкое значеніе, чѣмъ въ наше. Магницкій дѣлитъ свой учебникъ на два главные отдѣла: «1) ариѳметика-политика,

¹⁾ См. Моск. Вѣд. 1857. №№ 68, 69 и 74.

или гражданская, и 2) арифметика-логистика не ко гражданству токмо, но къ движенію небесныхъ круговъ принадлежащая». Въ первой изложена вся арифметика въ видѣ вопросовъ и отвѣтовъ.

Вторая часть (арифметика-логистика) заключаетъ въ себѣ алгебру, геометрію въ краткомъ изложеніи и свѣдѣнія по математической географіи («что надлежитъ къ мореплаванію и глобуса земного къ размѣренію») и содержитъ въ себѣ свѣдѣнія, необходимыя для навигатора.

Учебникъ Магницкаго, будучи долгое время единственнымъ, имѣлъ, безъ сомнѣнія, огромное вліяніе на преподаваніе арифметики не только въ Навигаторскомъ училищѣ, но и въ другихъ школахъ: онъ былъ единственнымъ образцомъ для преподавателей. При всѣхъ недостаткахъ, при всемъ механизмѣ, все-таки преподаваніе арифметики должно было дѣйствовать довольно сильно на умственное развитіе учениковъ. Арифметика содѣйствовала ему если не своей сущностью, то практическимъ примѣненіемъ, рѣшеніемъ задачъ: при рѣшеніи ихъ требовалось сообразить условія ихъ, приискать въ памяти подходящее правило, а это, конечно, не могло не вліять на развитіе соображенія и смѣтливости.

Обученіе грамотѣ не имѣло тогда развивающаго значенія. Изученіе наизусть букварей также не могло имѣть его. Хотя со времени изданія Теофанова букваря стали заучивать не голый текстъ, но толкованіе его, имѣвшіе въ виду познакомить съ внутреннимъ смысломъ религіи; но все-таки этотъ смыслъ по своей отвлеченности былъ мало доступенъ большинству учениковъ. То обстоятельство, что эти толкованія должны были выучиваться наизусть, показываетъ, что не особенно довѣряли пониманію учениковъ. Въ Духовномъ Регламентѣ и въ указѣ послѣ него было указано, чтобы въ школахъ учили не только ясно, чисто и точно читать, но и разумѣть читаемое; слѣдовательно, было замѣчено, что ученики выучиваются только механизму чтенія, но плохо разумѣютъ то, что читаютъ и учатъ наизусть. Очень простое, повидимому, требованіе Регламента и указа выполнить на самомъ дѣлѣ было крайне трудно: учить чтенію приходилось по букварямъ, по псалтири, по часослову, содер-

жаніе и языкъ которыхъ были очень далеки отъ пониманія незрѣлыхъ учениковъ.

Книги, сколько-нибудь подходящей для первоначальнаго чтенія, тогда не было, да и быть не могло по состоянію литературы, науки и педагогики въ тогдашней Россіи. Многократныя исключенія за тупость, за неуспѣшность происходили, конечно, болѣе всего отъ печальнаго состоянія тогдашней учебно-воспитательной практики.

Ученія, какъ воспитанія ума посредствомъ приспособленнаго къ пониманію учениковъ учебнаго матеріала, при томъ передаваемого такъ, чтобы при самомъ усвоеніи его совершенствовались умственныя силы учащихся, тогда, конечно, не было. Не было также и воспитанія, какъ сознательнаго дѣйствія воспитателя на воспитанника для образованія его характера,— дѣйствія, имѣющаго цѣлью помочь правильному развитію индивидуальных свойствъ питомца.

Конечно, нельзя сказать, чтобы ученіе и воспитаніе даже и нашего времени всегда и вполне подходили подъ эти опредѣленія; но эти задачи существуютъ въ сознаніи лучшихъ педагоговъ и болѣе или менѣе осуществляются ими въ ихъ практикѣ. Въ петровское время обученіе имѣло конечною цѣлью единственно обладаніе извѣстными свѣдѣніями и умѣніями. Школа занималась только выучкой. Малопонятный, не приноровленный къ пониманію учениковъ, учебный матеріалъ могъ держаться нѣсколько времени въ памяти; но память плохо удерживаетъ малопонятное. Требуется безпрестанныя повторенія; долбять по нѣсколько лѣтъ одинъ букварь; суровыми наказаніями побуждаются къ ученію малоуспѣшныя, значительная часть учениковъ обращается въ бѣгство; огромное число удаляется изъ школы «за тупостью, за невзятіемъ науки», и только очень незначительная часть, извѣдавши всю горечь корня науки, оканчиваетъ учебный курсъ. Воспитаніе ограничивается только внѣшнимъ подавленіемъ дурныхъ проявленій воли, противопоставляя имъ страхъ наказанія, и чѣмъ суровѣе оно, тѣмъ больше страха, и, слѣдовательно, по тогдашнимъ понятіямъ, лучше достигается цѣль воспитанія. Все это было совершенно естественно.

Школа вполне зависит от двухъ условий: 1) отъ степени развитія научнаго знанія самого по себѣ и 2) распространенія его въ обществѣ. Гдѣ науки стоятъ на низкой степени, тамъ не можетъ быть хорошаго учебнаго матеріала и хорошихъ пріемовъ передачи его. Когда знанія мало распространены, тогда мало и хорошихъ дѣятелей для школы, мало и сочувствія, поддержки ей со стороны общества, не понимающаго значенія знаній, а безъ этого сочувствія и поддержки школа процвѣтать не можетъ. Оба эти условія въ началѣ правленія Петра были крайне неблагоприятны для школы. Онъ измѣняетъ ихъ къ лучшему. Онъ самъ ѣдетъ за границу учиться, посылаетъ туда молодыхъ дворянъ и боярскихъ дѣтей, призываетъ иностранцевъ-учителей, велитъ переводить и писать книги. И вотъ знанія, до тѣхъ поръ небывалыя въ Россіи, мало-по-малу водворяются въ ней. Но эти знанія держатся въ очень ограниченномъ кругу людей, и потому нельзя извлечь изъ нихъ много практической пользы. Петръ стремится распространить ихъ—учреждаетъ школы. Въ нихъ не идутъ или идутъ, но очень неохотно; Петръ велитъ въ одномъ случаѣ силою брать дѣтей въ школы, въ другомъ—грозитъ лишеніемъ сословныхъ правъ, наконецъ, за отсутствіемъ настоящаго интереса къ знаніямъ создаетъ искусственный интересъ,—даетъ окончившимъ извѣстный курсъ ученія служебныя преимущества. И вотъ въ школы идутъ не только тѣ, для которыхъ служебная дѣятельность необходима, какъ средство къ жизни, идутъ и дворянскія и боярскія дѣти хотя и съ неудовольствіемъ, но съ надеждою, что, пройдя черезъ школу, они получаютъ тѣ привилегіи, которыя значительно облегчатъ выполненіе тяжелой для всѣхъ обязательной служебной повинности. Какъ ни далекъ этотъ искусственный интересъ отъ настоящей цѣли просвѣщенія, все-таки онъ могъ быть сильнымъ средствомъ для водворенія знаній тамъ, гдѣ ихъ не было. Значеніе царствованія Петра въ исторіи русскаго просвѣщенія и школъ сказалось главнымъ образомъ въ трехъ явленіяхъ: 1) крайне тѣсный кругъ знаній въ Россіи былъ расширенъ введеніемъ въ него новыхъ, небывалыхъ до тѣхъ поръ знаній, 2) государство ясно сознало необходимость извѣстныхъ знаній для своего существованія и взяло инициативу учрежденія и устройства школъ въ свои руки и 3) открылся

доступъ иностраннымъ вліяніямъ. Остановимся нѣсколько на этихъ явленіяхъ. Петръ В. по натурѣ своей былъ болѣе практикъ, чѣмъ теоретикъ: онъ не любилъ долго останавливаться на теоретическихъ соображеніяхъ, на отвлеченныхъ планахъ. Да и не было большой надобности въ этомъ: обветшала жизнь требовала обновленія. Всякому сколько-нибудь мыслящему человеку, при малѣйшемъ сравненіи этой жизни съ западно-европейской, бросалась въ глаза отсталость ея. Главная задача—сближеніе съ Западомъ и путь къ выполненію ея уже опредѣлились раньше. Дѣла яснаго, опредѣленнаго было много,—и нуженъ былъ по преимуществу практическій геній. Невѣжество духовенства, боявшагося всякихъ новшествъ, стояло поперекъ дороги преобразовательнымъ и просвѣтительнымъ стремленіямъ Петра. Кромѣ того, онъ еще въ ранней юности могъ видѣть безобразія раскола.

Понятно, что вниманіе Петра очень рано обратилось на образованіе духовенства. Петръ цѣнилъ истинно-религіозное чувство, понималъ его значеніе для нравственнаго благосостоянія народа, заботился, чтобы это чувство не дѣлалось предметомъ эксплуатацій; но болѣе всего онъ видѣлъ въ окружающей его жизни нелѣпыхъ суевѣрій, внѣшняго благочестія, обрядовой религіи, безъ внутренняго религіознаго чувства, наконецъ—ханжества, лицемерія. Петръ былъ заклятымъ врагомъ послѣднихъ.

Въ его меморіяхъ, или памятныхъ листкахъ, записано не разъ о необходимости составить книгу, направленную противъ ханжества ¹⁾. Какъ ясно и трезво смотрѣлъ Петръ на печальное состояніе религіи въ то время въ Россіи, и какія мѣры думалъ употребить для поправленія ея, показываетъ собственноручная записка его въ Синодъ въ 1724 г.

Онъ пишетъ: «Святѣйшій Синодъ! понеже я разговорами давно побуждалъ, дабы краткія поученія людямъ сдѣлать (понеже ученыхъ проповѣдниковъ зѣло мало имѣемъ), также сдѣлать книгу, гдѣ изъяснить: что непремѣнный законъ Божій, и что совѣты, и что преданія отеческія, и что вещи среднія, и что

¹⁾ Чистовичъ. Оеофанъ Прокоповичъ, 124.

только для чину и обряду сдѣлано, и что непремѣнное, и что ко времени и случаю премѣнялось, *дабы знать могли, что въ каковой силѣ имѣть*. О первыхъ кажется мнѣ, чтобъ просто написать такъ, чтобъ поселянинъ зналъ, или на двое: поселяномъ простяе, а въ городахъ покрасивѣе для сладости слышащихъ, какъ вамъ удобнѣе покажется. Въ которыхъ бы наставленіяхъ— что есть прямой путь? истолкованъ былъ, а особливо Вѣру, Надежду и Любовь: и о первой, и о послѣдней зѣло мало знаютъ и не прямо, что и знаютъ; а о средней и не слышали, понеже всю надежду кладутъ на пѣніе церковное, постъ и поклоны и прочее тому подобное» ¹⁾.

Итакъ Петръ ясно видѣлъ корень всѣхъ неурядицъ въ церкви, причину печальнаго состоянія религіи—въ невѣжествѣ, въ отсутствіи знанія, что въ какой силѣ содержать. Для устраненія этого зла онъ избираетъ средствами—школу для юнаго поколѣнія, проповѣдь и пропаганду здравыхъ понятій книжнымъ путемъ—для взрослыхъ. Въ этомъ направленіи дѣйствуетъ главный помощникъ Петра по церковнымъ дѣламъ—Оеофанъ Прокоповичъ. Хотя нельзя сказать, что послѣ мѣръ Петра образованіе религіозное процвѣло: онѣ не коснулись мертвой схоластики, господствовавшей въ академіяхъ, не оживили ея. Но все-таки малограмотные, невѣжественные священники со времени Петра становятся все рѣже и рѣже.

Азовскій походъ и особенно Сѣверная война должны были живо напомнить Петру объ отсутствіи у русскихъ специальныхъ знаній, необходимыхъ для успѣшной войны. Нанятые иностранцы обходились недешево, да и не пользовались большимъ довѣріемъ войска. Являются specialныя заведенія для приготовленія моряковъ, инженеровъ и артиллеристовъ. Для всѣхъ этихъ школъ главнымъ основнымъ знаніемъ является математика. И вотъ, несмотря на враждебное отношеніе къ ней многихъ суетвѣрныхъ, она все болѣе и болѣе водворяется въ русскихъ школахъ. Петръ, смотря на нее съ чисто утилитарной точки зрѣнія, особенно старался о распространеніи ея въ Россіи. Лейбницъ принимался въ русскую службу въ надеждѣ, что онъ можетъ со-

¹⁾ П. С. З., VII, 4493. Пекарскій, 181.

дѣйствовать прежде всего преуспѣянію въ Россіи этой науки. Петръ старался водворить преподаваніе математики и въ духовныхъ школахъ. Цифирныя, или ариѳметическія школы имѣли главной цѣлью обучить началамъ ариѳметики. Въ письмѣ къ Апраксину, 1708 г. 3 августа, Петръ подтверждаетъ свое приказаніе стараться о непремѣнномъ размноженіи математическаго ученія, заключая свое письмо такъ: «Понеже сами можете видѣть, какая въ томъ польза, что не точію морскому ходу нужна сія школа (математическая), но и артиллеріи и инженерству» ¹⁾. Изъ этого ясно видно, какъ Петръ смотрѣлъ на математику и какою цѣлью руководился при водвореніи ея въ школахъ.

Недостатокъ медицинскаго знанія, малое число лѣкарей (исключительно иностранцевъ) особенно ощутительны были во время войны, когда медицинская помощь, особенно хирургическая, очень часто бываетъ нужна. Петръ, устроивъ военный госпиталь въ Москвѣ, на Яузѣ, для инвалидовъ, учреждаетъ при немъ медико-хирургическую школу. Анатомія является для нея основнымъ, необходимымъ знаніемъ, и Петръ, какъ сказано уже, заботился о томъ, чтобы ею занимались какъ можно усерднѣе. Начиная съ анатоміи, въ Россіи водворяются естественныя науки. Петръ очень заботился объ устройствѣ музея, какъ совѣтовалъ и Лейбницъ. Уже при Московскомъ госпиталѣ былъ музей; но болѣе замѣчательна петербургская кунсткамера, которая собрана была царемъ съ большими издержками. Берхгольцъ, посѣтившій кунсткамеру въ Петербургѣ въ 1721 г., говоритъ, что она заключаетъ въ себѣ множество замѣчательныхъ предметовъ по части естественной исторіи. Въ анатомическомъ отдѣлѣ заключалась извѣстная въ свое время коллекція анатомическихъ препаратовъ знаменитаго доктора Рюйша. Эта коллекція была куплена Петромъ въ Амстердамѣ у наслѣдниковъ доктора за десять тысячъ рублей. Затѣмъ была замѣчательна коллекція уродовъ, которые по царскому указу должны были присылаться отовсюду изъ Россіи въ Петербургъ. Наконецъ, здѣсь находились и коллекціи различныхъ рѣдкостей и монетъ ²⁾.

¹⁾ Голицевъ. Дополненіе къ дѣяніямъ П. В., VIII т., 99 стр.

²⁾ Берхгольцъ. Дневникъ. Ч. I, стр. 155-158.

Доступъ въ кунсткамеру не только былъ открытъ для всѣхъ желающихъ, но Петръ старался даже привлечь сюда больше посѣтителей: однажды Ягужинскій совѣтовалъ Петру назначить извѣстную плату за посѣщеніе кунсткамеры, но царь замѣтилъ, что тогда никто не будетъ посѣщать ее, и потому напротивъ опредѣлилъ особенную сумму (400 рублей) для угощенія посѣтителей ¹⁾.

Не менѣе заботился Петръ о томъ, чтобы переводились на русскій языкъ полезныя иностранныя книги. И здѣсь высказывается его преимущественно утилитарный взглядъ. «Для переводу», говоритъ онъ, «зѣло нужны переводчики, а особливо для художествъ. Художества же (переводить) слѣдующія: математическое, хотя до сферическихъ триангуловъ, механическое, хирургическое, архитектуръ - цивились, анатомическое, ботаническое и тому подобныя» ²⁾. Изъ списка книгъ, изданныхъ при Петрѣ, можно видѣть, какъ много для того времени было издано книгъ по разнымъ отраслямъ математики и естественныхъ наукъ. Эти книги по большей части имѣютъ прикладной характеръ ³⁾.

Хотя самъ Петръ смотрѣлъ на эти знанія со стороны ихъ практической пользы и, вводя ихъ, имѣлъ въ виду цѣли чисто утилитарныя, но все-таки онъ первый положилъ начало изученію математическихъ и естественныхъ наукъ въ Россіи. Самая утилитарность, примѣнимость къ житейскимъ потребностямъ этихъ знаній были главною причиною того, что они скорѣе и прочнѣе принялись на русской почвѣ. Первый русскій ученый въ полномъ смыслѣ этого слова, Ломоносовъ, былъ по преимуществу естествоиспытатель. Справедливость требуетъ также сказать, что математика и медицина достигли въ Россіи наибольшаго развитія сравнительно съ другими науками. Если въ чемъ Россія въ настоящее время менѣе отстаетъ отъ Западной Европы, то это въ медицинскихъ и математическихъ наукахъ: по этимъ отраслямъ знанія русская наука можетъ выставить представителей, имена и труды которыхъ извѣстны и на Западѣ.

¹⁾ Пекарскій, 62.

²⁾ П. С. З., VII т., 4438.

³⁾ Пекарскій, II т.

Со времени Петра дѣлаются предметомъ изученія и иностранные языки: желаніе пользоваться западной наукой и литературой, частыя посылки молодыхъ людей за границу, множество иностранцевъ въ Россіи—все это должно было породить мало-по-малу такую потребность изученія иностранныхъ языковъ, что едва ли мы найдемъ аналогическое явленіе въ другихъ странахъ.

Когда государство нѣсколько успокоилось отъ внѣшней опасности, Петръ, болѣе сосредоточивъ свое вниманіе на внутреннемъ государственномъ строѣ, увидѣлъ необходимость подготовленія и къ гражданской службѣ. Онъ самъ говоритъ: «У насъ ученіе не гораздо вкоренилось, такожь и въ гражданскихъ дѣлахъ, а особливо въ экономическихъ дѣлахъ, почитай, что ничего нѣтъ». До открытія академіи онъ думалъ поручить герольд-мейстеру устроить школу для обученія дворянскихъ дѣтей *экономіи и гражданству*. Наконецъ, при устройствѣ академіи не были забыты знанія, необходимыя для гражданства. Всѣ науки академическія распредѣляются на 3 класса: 1) математическія и которыя отъ нихъ зависятъ, 2) всѣ части физики (естественныя науки) и 3) *гуманіора, исторія и права*. Но это осуществилось уже послѣ Петра.

Итакъ, главная заслуга Петра относительно введенія новыхъ знаній въ Россіи состоитъ въ томъ, что онъ сдѣлалъ математику предметомъ изученія и сильно содѣйствовалъ появленію естественныхъ наукъ. Хотя, какъ уже сказано, онъ имѣлъ въ виду прикладную сторону этихъ знаній, но чрезъ нѣсколько времени они поднялись до чисто научной высоты и послужили къ выработкѣ педагогическаго матеріала, не теряя все-таки по самой своей сущности, по приложимости къ жизни, тѣсной связи съ нею.

Государство, созданное Петромъ и поставленное лицомъ къ лицу съ болѣе образованной Европой, требуетъ собственно для себя, для своихъ функцій большой массы интеллигентныхъ силъ, и чѣмъ оно болѣе стремится приблизиться къ своимъ западнымъ образцамъ, тѣмъ болѣе возрастаетъ и потребность въ образованіи. Понятно, что государство какъ по своей сущности, такъ и по условіямъ, въ которыя было поставлено Петромъ, должно было

слѣдовать его примѣру—заботиться о распространѣніи и улучшеніи училищъ. Дѣйствительно, мы видимъ, что все, что дѣлалось для школы послѣ Петра, происходило преимущественно по инициативѣ правительства. Общество относится къ училищамъ безучастно. Настоящаго понятія образованія почти нѣтъ: большинство видитъ въ школѣ только средство добиться извѣстнаго положенія въ государствѣ. Общества, въ смыслѣ болѣе развитой, мыслящей части народа, высказывающейся въ такъ называемомъ общественномъ мнѣніи, до Петра вовсе не было и, строго говоря, долгое время и послѣ него не оказывалось. Когда Петръ хотѣлъ по образцу западныхъ государствъ ввести въ города магистраты, имѣющіе общественный характеръ, то ничего изъ этого не вышло: на то, на что въ западныхъ странахъ смотрѣли, какъ на свое право, которымъ слѣдуетъ дорожить, русскіе посматрѣли, какъ на тяжелую повинность. Этотъ примѣръ показываетъ, что гражданскаго смысла, сознанія какихъ-либо правъ или стремленія къ нимъ не было: московскій государственный строй и вѣковое невѣжество погубили ихъ. При Петрѣ не только не было почина общественного въ учрежденіи школъ, но даже и учрежденныя уже правительствомъ, но по своимъ цѣлямъ и характеру нуждающіяся въ поддержкѣ общества, оказываются недолговѣчными. Цифирныя школы не кончили бы такъ скоро своего самостоятельнаго существованія, если бы имѣли большое число учениковъ. Изъ городскихъ (малыхъ) училищъ, которыя Петръ предложилъ устраивать магистратамъ, ничего не вышло: большой надобности въ обученіи не чувствовалось, а заведенія эти требовали издержекъ, хлопотъ... Послѣ Петра остаются только спеціальныя заведенія, въ которыхъ само правительство видѣло для себя насущную потребность. Государство, обновленное Петромъ, нуждается въ такой массѣ интеллигентныхъ силъ, а ихъ такъ мало представляетъ общество, что государство должно само, не ожидая содѣйствія общества, готовить ихъ для себя. Всѣ лучшія силы уходятъ въ государство. Общество не чувствуетъ особенной нужды въ нихъ: правъ оно особенныхъ не имѣло, дѣятельности общественной не было никакой.

Давно ли то время, когда всѣ сколько-нибудь образованныя силы отливались въ двѣ преобладающія формы: офицера и чи-

новника, и когда на человѣка умнаго и образованнаго, но не служащаго, очень многіе смотрѣли не то съ сожалѣніемъ, не то съ пренебреженіемъ. Общественной службы никакой не было, да и быть не могло, и образованный человѣкъ внѣ государственной службы не могъ найти себѣ сколько-нибудь почетной дѣятельности.

Итакъ, въ современномъ смыслѣ общества не было, а тогдашнее русское общество, не чувствуя потребности въ образованіи собственно для себя, предоставило всѣ заботы о школахъ правительству, которому нечего уже было рассчитывать на содѣйствіе, на помощь со стороны общества. И вотъ всѣ училища, отъ которыхъ зависитъ характеръ образованія въ странѣ, устраивались долгое время послѣ Петра исключительно правительствомъ. Отсутствіе общественнаго почина было причиною того, что школы размножаются медленно: правительство устраивало ихъ настолько, насколько позволяли средства. Историческія обстоятельства поставили государство въ необходимость заботиться болѣе всего о военныхъ силахъ, и оно не могло удѣлять значительныхъ средствъ на распространеніе школъ неспеціальныхъ, не имѣвшихъ самой тѣсной связи съ потребностью государства въ военныхъ специалистахъ. Общеобразовательныя школы долгое время не имѣли того значенія, какое, въ сущности, имъ принадлежитъ.

Наконецъ, какъ было уже сказано, Петръ открылъ свободный доступъ иностраннымъ вліяніямъ на Россію. Эти вліянія сильно содѣйствовали развитію науки, литературы и школьнаго образованія въ Россіи. Особенно сильное вліяніе въ послѣднемъ отношеніи было при Екатеринѣ II. Съ этой стороны знакомство съ Западомъ, безъ сомнѣнія, принесло огромную пользу. Но съ другой были и вредныя стороны вліянія, происшедшія главнымъ образомъ потому, что русскіе, при слабомъ образованіи, увлекались иногда формою, не проникая въ сущность дѣла, и переносили къ себѣ цѣликомъ чуждыя учрежденія, думая, что все что на Западѣ хорошо, и у насъ будетъ такимъ. Забывали, что только тѣ учрежденія, заносимыя извнѣ, могутъ быть прочны и жизненны, которыя могутъ укорениться на дѣйствительныхъ и притомъ сознанныхъ многими потребностяхъ страны, или, по

крайней мѣрѣ, тѣ учрежденія, полезность которыхъ скоро можетъ перейти въ сознаніе большинства. Тѣ же учрежденія, которыя не могутъ удовлетворять этимъ условіямъ, лишены внутренней силы, шатки, недолговѣчны и обыкновенно пропадаютъ или остаются пустою формою, лишею внутренняго содержанія. Исторія нашихъ школъ не лишена примѣровъ крайнихъ увлеченій иноземнымъ. Самъ Петръ иногда бывалъ не безупреченъ въ этомъ отношеніи; но онъ сдѣлалъ такъ много, и многое привилось такъ прочно и принесло такіе плоды, что дурное относительно хорошаго составляетъ каплю въ морѣ. Относительно образованія имъ сдѣлано было очень много. Самое то обстоятельство, что онъ смотрѣлъ на знанія преимущественно со стороны ихъ приложимости къ жизни, было полезно. Если многіе, даже и мыслящіе люди, могли сомнѣваться въ большой необходимости изученія грамматическихъ тонкостей или риторики, то едва ли кто-нибудь изъ нихъ усомнился бы въ необходимости анатоміи для медика, математики для инженера или артиллериста, и въ томъ, что медики, инженеры и артиллеристы необходимы для государства. Польза этихъ наукъ такъ была осязательна, что должна была скоро войти въ сознаніе сколько-нибудь мыслящей части народа. Это-то обстоятельство и упростило существованіе и развитіе наукъ математическихъ и медицинскихъ въ нашемъ отечествѣ. Если Петру и пришлось встрѣтить сопротивленіе его просвѣтительнымъ намѣреніямъ, то оно происходило главнымъ образомъ не изъ убѣжденія въ бесполезности знаній, которыми надѣляла школа, а отъ крайне дурного состоянія ея и отъ вѣковой привычки къ умственной бездѣятельности. Та апатія, которую Петръ встрѣтилъ въ большинствѣ общества, или, вѣрнѣе, не общества, а тѣхъ людей, которые по своему положенію стояли выше простого народа,—была главнымъ препятствіемъ его просвѣтительнымъ стремленіямъ. Это сопротивленіе нельзя назвать активной оппозиціей партій, это были, по мѣткому выраженію Соловьева, «сила упора». Но Петръ преодолѣлъ, насколько могъ, эту силу своей энергіей: онъ оставилъ рядомъ съ неподвижной массой большинства хотя небольшой сравнительно кругъ людей, но людей прогресса, для которыхъ возвращеніе назадъ было невозможно.

Если вспомнить всю многообразную дѣятельность Петра, вспомнить, что доходы Россіи до 1710 г. не доходили и до четырехъ милліоновъ, народъ былъ обремененъ налогами до крайности, и Петру даже приходилось для посылки молодыхъ подъячихъ за границу учитывать извѣстную долю изъ жалованья чиновниковъ; если, наконецъ, принять во вниманіе небольшое число сотрудниковъ Петра и силу упора, которую онъ встрѣчалъ при своихъ начинаніяхъ,—то нельзя не согласиться, что Петръ сдѣлалъ очень много для русскаго образованія. Онъ ввелъ новыя науки въ Россію, устроилъ школы, открылъ для русскихъ новый міръ—образованную Европу и, давши такимъ образомъ средства, научилъ русскихъ учиться. Онъ даже показывалъ, съ чего надо начинать учиться. Если бы Петръ и оцѣнилъ исполнѣ важное значеніе идеальной стороны знанія, то, вводя науки въ страну, гдѣ не было никакихъ знаній, промышленность и народное хозяйство находились въ жалкомъ положеніи, конечно, предпочелъ бы для школы знанія, въ своемъ примѣненіи полезныя для милліоновъ, тѣмъ наукамъ, которыя, доставляя, можетъ быть, высокое умственное наслажденіе немногимъ счастливцамъ, по своей непримѣнимости къ главнымъ потребностямъ жизни, были тогда еще мало полезны или и вовсе бесполезны для огромнаго большинства. Наконецъ, Петръ Великій, стараясь по мѣрѣ силъ приблизить Россію какъ можно больше къ западной цивилизаціи, своей неустанной дѣятельностью показалъ примѣръ, какъ надо трудиться, чтобы скорѣе догнать Европу въ образованіи.
